

ЕВА ДАМИАНО

ШПИЛЬКА ДЛЯ МАЭСТРО

порочный рисунок боя

18+

Ева Дамиано

**Шпилька для Маэстро.
Порочный рисунок боя**

«Автор»

2026

Дамиано Е.

Шпилька для Маэстро. Порочный рисунок боя / Е. Дамиано —
«Автор», 2026

Один владел её телом на дорожке. Второй жаждал сжечь ради неё всю систему. Но кому в итоге достанется Шпилька? Алекса попала в закрытую академию «Сан-Мишель» ради золота, но оказалась в изысканном кураторском аду. Её наставник — Маэстро Виктор. Безжалостный гений в черных кожаных перчатках, чей ледяной контроль не оставляет шансов на вдох. Он препарирует её волю и выстраивает идеальный рисунок боя, где Алекса — лишь покорное оружие в его руках. Но в эту порочную партию врывается пламя. Капитан сборной Доминик — яростный бунтарь, готовый сломать любые министерские протоколы, чтобы забрать Шпильку себе. Раскаленная страсть, опасное альфа-соперничество двух полярных мужчин и звенящая сталь рапир — в Берлине финал международного кубка превратится в игру на выживание. Маэстро требует безупречного подчинения. Капитан зовет в разрушительный огонь. Алекса Шпилька начинает свой собственный, смертоносный выпад. Маски сорваны, клинок занесен. Кто заставит этот порочный контур замкнуться?

© Дамиано Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Первое касание	5
Глава 1: Ментальный контур	7
Глава 2: Академия «Сан-Мишель»	10
Глава 3: Ночные уколы	13
Глава 4: Уроки Маэстро	16
Г	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ева Дамиано

Шпилька для Маэстро. Порочный рисунок боя

Пролог. Первое касание

Часы на готической башне академии «Сан-Мишель» глухо отбили два часа ночи. В главном тренировочном зале царил густой, осязаемый полумрак, рассекаемый лишь узкой полосой лунного света, которая падала сквозь витражное окно. В этом воздухе, пахнущем металлом, канифолью и старой кожей, каждый вдох казался колючим.

Алекса стояла на металлической фехтовальной дорожке. На ней был черный тренировочный колет, плотно облегающий тело, и брюки в тон. Белая форма осталась в шкафчике — сегодня ей не нужны были официальные маркеры. В ее руке покоилась рапира. Тонкий клинок послушно вибрировал, отзываясь на малейшее движение ее сильных, покрытых мелкими мозолями пальцев. Она сделала глубокий вдох, успокаивая бешеный ритм сердца, и медленно опустила на лицо черную сетчатую маску. Мир вокруг сузился до узких прорезей для глаз.

Она знала, что нарушает все. Комендантский час, устав академии, правила безопасности. Но жажда адреналина и дикое, удушающее чувство соперничества, которое выжигало ее изнутри последние три недели, не оставляли выбора.

Шаги на другом конце зала раздались беззвучно. Из Тени выступил силуэт. Он был выше ее на голову, шире в плечах, и в каждом его шаге сквозила ленивая, порочная грация человека, привыкшего брать то, что принадлежит ему по праву рождения. Доминик. Его лицо тоже скрывала глухая черная маска, но Алекса узнала бы этот разворот плеч и эту издевательскую, надменную осанку из тысячи. Капитан сборной. Наследник многомиллионного состояния. Ее личный кошмар и главный соперник, превративший ее жизнь в «Сан-Мишель» в ментальную бойню.

Он не произнес ни слова. В этой тишине слова были бы лишними. Доминик медленно поднял свое оружие, салютуя ей с явным оттенком пренебрежения.

— Пришла, выскочка, — считала она по движению его плеч, хоть он и промолчал.

Алекса ответила резким, сухим салютом. Клинки скрестились по центру дорожки с тонким, хищным звоном. *Вжик.* Звук разрезанного воздуха ударил по барабанным перепонкам.

Доминик атаковал первым — безжалостно, стремительно, обрушивая на нее серию сокрушительных выпадов. Он двигался с сумасшедшей скоростью, заставляя Алексу отступать к самому краю зоны. Его клинок скользил по ее рапире, высекая невидимые искры. Металл пел свою карательную песню. Доминик явно пытался подавить ее своей физической силой, загнать в угол, заставить сломаться и просить о пощаде.

Но Алекса была сделана из другого теста. Гордая, упрямая, она поймала его ритм, уклонилась от тяжелого батмана и с кошачьей ловкостью сделала шаг в сторону, уходя с линии атаки. Ее рапира молниеносно взвилась вверх, обходя его защиту, и жестко уколола Доминика прямо в область сердца.

Электронная система фиксации уколов была отключена, но они оба почувствовали это касание. Доминик на секунду замер. Под маской послышался его тяжелый, прерывистый вдох. Ненависть между ними, копившаяся неделями в душных раздевалках и под надзором преподавателей, мгновенно вспыхнула, превращаясь в чистый, первобытный пожар.

Он глухо рыкнул и пошел в новое наступление — на этот раз грязно, нарушая все спортивные каноны. Он сократил дистанцию до критического минимума, сминая ее оборону кор-

пусом. Клинки сцепились у самых гард. Доминик навалился на нее всем своим огромным, литым весом, впечатывая Алексу спиной в холодную стену зала. Металлическое оружие оказалось зажато между их телами, а их маски соприкоснулись с сухим стуком.

Через сетку Алекса видела, как бешено блестят его темные глаза. От него пахло дорогим парфюмом, горьким потом и чистой, неразбавленной яростью. Его тяжелое дыхание обжигало ее шею сквозь тонкую ткань колета.

— Ты думаешь, что сможешь победить меня на моей территории, Алекса? — его голос, сорванный до опасного, интимного хрипа, прозвучал прямо у ее уха. — Ты здесь никто. Нищенка со стипендией, возомнившая себя королевой клинка.

— Пошел ты, Доминик, — выдохнула она, судорожно вжимаясь пальцами в рукоять рапиры и пытаясь оттолкнуть его. Но ее тело предательски отозвалось на эту близость волной тягучего, запретного жара. Каждая клетка внутри нее кричала от этого дикого контраста ненависти и физического притяжения.

Доминик не отстранился. Напротив, он сильнее прижал ее к каменной кладке, блокируя ее бедра своими. Его свободная рука в жесткой кожаной перчатке взлетела вверх, пальцы грубо перехватили ее за горло, заставляя закинуть голову. Это было полное, варварское нарушение всех границ.

В этот момент в глубине коридора, за массивными дубовыми дверями зала, раздался тяжелый, размеренный стук трости с серебряным набалдашником. Этот звук заставил обоих замереть. Опасный, гипнотический ритм, который они знали слишком хорошо.

Маэстро Виктор. Новый главный тренер «Сан-Мишель». Мужчина, чья холодная, расчетливая жестокость держала в страхе всю академию. Архитектор их тренировок, который наблюдал за ними обоими как за подопытными хищниками в клетке.

Доминик медленно, неохотно ослабил хватку, но перед тем, как отпустить Алексу, его пальцы в перчатке скользнули по ее подбородку, оставляя на коже горящий след. Он сделал шаг назад, растворяясь в темноте противоположного выхода за секунду до того, как тяжелые двери зала начали медленно отворяться.

Алекса осталась стоять у стены, тяжело дыша и прижимая ладонь к пылающей шее. Маска скрывала ее лицо, но контур ее прежнего, безопасного мира был нарушен. Игра началась, и пути назад больше не было.

Глава 1: Ментальный контур

Утреннее солнце «Сан-Мишель» не грело — оно лишь подчеркивало холодный блеск готических сводов и безупречную чистоту фехтовальных дорожек. Главный зал академии был заполнен гулом голосов, шуршанием экипировки и сухим треском клинков. Старший курс разминался перед первой официальной тренировкой сезона.

Алекса стояла у панорамного зеркала, методично затягивая ремни на левом боку своего белоснежного колета. Ее пальцы слегка подрагивали, а шея, где еще ночью лежали тяжелые пальцы в кожаной перчатке, до сих пор горела. Она всматривалась в свое отражение, пытаясь вернуть лицу маску безразличия.

— Твой пульс сейчас выдает тебя с головой, Лекс, — Ив подошла со спины, бросив на скамейку свой блокнот. Она оперлась плечом о зеркало, внимательно разглядывая подругу. — Ты либо не спала всю ночь, либо... опять устроила самосуд на дорожке?

— Просто предвкушаю встречу с нашей элитой, — Алекса дернула плечом, застегивая воротник-стойку, полностью скрывающий ключицы. — Ничего нового.

— Ну да, конечно, — Ив понизила голос, кивнув в сторону входа. — Твой «любимый» кошмар как раз соизволил явиться.

Двери зала распахнулись, и внутрь вошла «Золотая Каста». Доминик шел в центре, небрежно накинув колет на одно плечо. Его белоснежная рубашка была мокрой от пота после ранней пробежки, а темные волосы растрепались. Справа от него Кристиан громко смеялся, крутя в руках рапиру, а Марк лениво листал что-то в телефоне. Они выглядели так, будто этот замок, эти дорожки и сами люди вокруг были куплены их отцами еще до их рождения.

Доминик мазнул взглядом по залу и мгновенно зафиксировал Алексу. Его губы дрогнули в едва заметной, издевательской усмешке. Он отделился от друзей и направился прямо к ее сектору, сокращая расстояние с той самой ленивой грацией, от которой у Алексы внутри все сжималось.

— Надо же, Шпилька уже на месте, — Доминик остановился в двух шагах, бросив свое оружие на судейский стол. Он оглядел ее с ног до головы, и в его глазах вспыхнул опасный, утренний блеск. — И даже без опозданий. Надеюсь, ты успела затупить свой клинок? Не хотелось бы, чтобы ты снова поцарапала то, что тебе не по карману.

Алекса медленно повернулась к нему, скрестив руки на груди. Ей приходилось закидывать голову, чтобы смотреть ему в глаза, но ее взгляд был жестким, как дамасская сталь.

— Не переживай, Ваше Высочество, — выдохнула она, намеренно растягивая слова. — Для твоего эго у меня всегда заточено особое оружие. Смотри не сорвись с дорожки, когда я снова оформлю тебе укол в сердце. Мне показалось, ночью ты дышал слишком тяжело для капитана.

Глаза Доминика потемнели. Он сделал шаг вперед, вторгаясь в ее личное пространство так резко, что Ив инстинктивно отступила на полшага. От него пахло кедром, дорогой кожей и той дикой, притягательной угрозой, которой Алекса так отчаянно пыталась сопротивляться. Он наклонился к ее уху, так близко, что его губы почти коснулись нежной кожи над воротником.

— Ночью ты слишком много себе возомнила, Шпилька, — прошептал он, и его голос завибрировал глубоко в ее груди. — Настоящий бой происходит при свете дня. И сегодня я заставлю тебя встать на колени. Буквально.

Алекса сжала зубы, чувствуя, как по телу разливается удушающий, злой жар. Она хотела ответить, но в этот момент зал мгновенно затих. Настолько резко, что стал слышен шорох шагов у главного входа.

По центральной дорожке шел Маэстро Виктор.

Новый главный тренер «Сан-Мишель» выглядел как воплощение безупречного, пугающего порядка. Черный классический костюм, идеально отглаженная сорочка и тяжелая трость с серебряным набалдашником в правой руке. Каждый удар этой трости о паркет звучал как метроном, отсчитывающий секунды до начала их общей казни. Его лицо, высеченное из камня, не выражало ничего, кроме ледяного превосходства, а серые, сканирующие глаза медленно осматривали построение студентов.

Виктор остановился по центру. Он не стал повышать голос — его низкий, ровный баритон и так заставил всех выпрямить спины.

— Господа, — произнес Маэстро, и его взгляд на секунду задержался на Алексе, подмечая ее прерывистое дыхание, а затем перетек на Доминика. — В этом сезоне правила «Сан-Мишель» меняются. Мне плевать на ваши фамилии, ваши счета и ваши прошлые заслуги. На моих дорожках вы будете исходить потом и кровью. Тот, кто решит, что он выше системы, вылетит из этого зала быстрее, чем успеет снять маску.

Он сделал паузу, и атмосфера в зале стала настолько плотной, что казалось, ее можно резать ножом.

— Гратис, — Виктор посмотрел прямо на Доминика. — К барьеру. Покажи мне, за что тебя называют капитаном. И выбери себе соперника для первой демонстрации.

Доминик медленно улыбнулся, не отводя взгляда от Алексы. Он поднял рапиру и указал кончиком клинка прямо в ее грудь.

— Шпилька. К барьеру.!

Алекса не шелохнулась, когда кончик рапиры Доминика замер в паре сантиметров от ее груди. Зал замер, предвкушая зрелище.

— Вызов принят, *Monseigneur*, — тихо, но отчетливо произнесла она, и это французское обращение прозвучало как хлесткая пощечина элитному самолюбию Гратиса.

Доминик едва заметно сузил глаза, его челюсть упрямо дернулась. Он ждал от нее страха или злости, но Шпилька умела держать удар при свидетелях.

Алекса сделала шаг вперед, но краем глаза заметила, что Ив больше не смотрит на нее. Подруга словно окаменела. Ее взгляд был намертво прикован к Маэстро Виктору. Ив, всегда такая циничная, острая на язык и расчетливая, сейчас смотрела на тренера широко раскрытыми, потемневшими глазами. На ее щеках проступил лихорадочный румянец, а пальцы, сжимавшие блокнот, побелели.

Виктор стоял чуть поодаль, опираясь на свою трость. Он перехватил этот уязвимый, влюбленный взгляд Ив. На его ледяном лице не дрогнул ни один мускул, но в глубине серых глаз промелькнуло сытое, снисходительное понимание. Он привык к такой реакции. Для него эта девчонка была прочитанной книгой, легкой добычей, которой он, если захочет, воспользуется мимоходом, даже не снимая перчаток.

Алексу обдало волной липкого предчувствия. «*О нет, Ив, только не он... Он же уничтожит тебя*», — пронеслось в голове, но времени на спасение подруги не осталось. Маэстро подал знак.

— К барьеру, — скомандовал Виктор. Его низкий голос заставил Алексу мгновенно повернуться к дорожке.

Они с Домиником надели маски. Мир снова сузился до железной сетки.

— *En garde!* — эхом разнеслось по залу.

Доминик атаковал яростно, но теперь, под надзором Виктора, его движения стали более академичными, хотя в каждый выпад он вкладывал всю свою тяжелую силу. Алекса маневрировала, ее рапира плела кружевную защиту. Сталь звенела без умолку. Они сошлись в ближнем бою, гарда к гарде.

— Расслабься, *L'Épingle*, — продышал Доминик сквозь маску, наваливаясь на нее корпусом и заставляя ее мышцы гореть от напряжения. — Тренер не спасет тебя от меня.

— Хватит болтать, покажи класс, золотоискатель, — огрызнулась она, выкручивая кисть и совершая резкий обвод.

— Стоп! — ледяной голос Виктора разрезал воздух. Ударом трости по полу он остановил поединок. — Гратис, грязно. Вы валитесь корпусом. Алекса — защита хороша, но у вас провалена левая нога при выпаде.

Виктор медленно подошел к Алексе со спины. Его присутствие ощущалось как приближение грозового фронта. Он не спрашивал разрешения — он просто выставил трость, заставив Доминика отступить на шаг, а сам шагнул в ее личную зону.

Его ладонь в тонкой черной коже легла на ее талию, жестко фиксируя бедро, а пальцы второй руки безжалостно сжали ее правое запястье, корректируя угол наклона рапиры. Это прикосновение было холодным, профессиональным, но в нем сквозила такая откровенная, властная жестокость, что у Алексы перехватило дыхание. От Маэстро пахло дорогим табаком и морозным утром.

— Выпрямите спину, Алекса, — негромко произнес Виктор, наклонившись так, что его дыхание коснулось ее уха через сетку маски. — Вы гибки, но слишком строптивы. Я заставлю ваш клинок подчиняться моему ритму. Запомните это положение.

Это было больше, чем просто корректировка стойки. Это был знак жестокого, холодного внимания. Демонстрация силы перед всем классом.

Алекса почувствовала, как на нее обрушились сразу два взгляда.

Первый — умоляющий, полный скрытой боли и ревности взгляд Ив, которая стояла у стены, кусая губы до крови. Она видела, как мужчина, в которого она влюбилась секунду назад, прикасается к ее единственной подруге.

Второй — бешеный, налитый кровью взгляд Доминика. Гратис стоял напротив, тяжело дыша, его пальцы так сильно сжали рукоять оружия, что костяшки побелели. Его собственнический инстинкт, проснувшийся еще ночью в темноте зала, сейчас был уязвлен до предела. Тот факт, что Маэстро выделяет Алексу, взбесил капитана.

Между Домиником и Виктором в ту же секунду пронеслась невидимая искра. Мужчины скрестили взгляды над головой Алексы. Молодой, порочный альфа-самец встретился лицом к лицу со зрелым, опытным хищником, который только что обозначил свои права на эту дорожку.

— Тренировка окончена, — сухо бросил Виктор, отпуская талию Алексы, словно ничего не произошло. — Все свободны. Гратис, задержитесь.

Доминик медленно снял маску, его лицо было искажено злостью. Он посмотрел на Алексу в упор, и в его темных глазах читалось обещание устроить ей настоящий ад. Скрытое соперничество между ними и тренером закрутилось в тугий, опасный узел.

Контур замкнулся снова, но теперь ставки возросли трижды.

Глава 2: Академия «Сан-Мишель»

После той утренней тренировки воздух в «Сан-Мишель» стал окончательно токсичным. Алекса чувствовала это каждой порой. Но настоящим ударом для неё стало молчание Ив. Всю следующую неделю подруга словно отдалилась, запершись в своей раковине. Она больше не подшучивала над «Золотой Кастой» и постоянно пропадала в тренерской части замка, вызываясь то разбирать старые архивы, то помогать с аналитикой турнирных таблиц для Маэстро.

— Ты с ума сошла? Ты понимаешь, с кем играешь? — Алекса попыталась остановить её в коридоре перед началом вечерних занятий.

Ив лишь дернула плечом, пряча подведённые черным глаза. В её взгляде больше не было прежней ясности — только слепая, лихорадочная покорность.

— Он гений, Лекс. Ты просто не понимаешь его. Он... он обещал помочь мне с рекомендацией для федерации, — тихо соврала Ив, но её предательски дрожащие губы выдавали правду: Виктор уже пустил её в свой контур, позволяя крутиться рядом, выполнять мелкие поручения и греться в лучах своего ледяного, снисходительного внимания.

Алексу тошнило от бессилия. Она видела, как Маэстро ломает волю её подруги, даже не прилагая усилий, но сделать ничего не могла. Виктор оставался неприкасаемым богом академии.

Тем же вечером зал «Сан-Мишель» превратился в филиал ада. Виктор выжимал из старшего курса все соки. Кондиционеры не справлялись, по белой форме градом катился пот, а мышцы Алексы горели так, словно их наливали свинцом.

— Алекса, еще пятьдесят выпадов на мишени. Быстрее! Вы спите на дорожке! — разносился по залу резкий, хлесткий голос Виктора.

Он стоял неподалеку, его пальцы лениво постукивали по серебряному набалдашнику трости. Каждый раз, когда он подходил ближе, Алекса внутренне сжималась, ожидая его жестких прикосновений. Но сегодня Маэстро выбрал другую тактику — он изнурял её морально, заставляя работать до потемнения в глазах, проверяя предел её гордой выносливости.

Когда раздался финальный свисток, возвещающий об окончании тренировки, Алекса едва держалась на ногах. Колет казался стокилограммовым панцирем. На неслушающихся, ватных ногах она поплелась в женскую раздевалку, мечтая только о ледяном душе.

Зал быстро опустел, но, войдя в полумрак раздевалки, она поняла, что совершила ошибку.

Дверь за её спиной резко захлопнулась, и послышался сухой щелчок провернувшегося ключа.

Алекса мгновенно обернулась, выставив перед собой рапиру, которую еще не успела убрать в чехол. Из тени между рядами железных шкафчиков медленно вышел Доминик. Он уже успел снять верх экипировки, оставшись в одной мокрой от пота майке, которая облепляла его мощную, рельефную грудь и пресс. Его темные волосы были взъерошены, а в глазах горел первобытный, опасный огонь.

— Ты потерял страх, *Monseigneur*? — Алекса тяжело дышала, направляя остриё клинка ему в грудь. — Это женская раздевалка. Если Виктор узнает...

— Мне плевать на Виктора, — Доминик выплюнул имя тренера с такой яростью, что воздух, казалось, заискрился. Он сделал шаг вперед, проигнорировав оружие. Остриё рапиры упёрлось ему прямо в ложбинку между ключицами, но он даже не моргнул. — Мне плевать на его правила. И мне очень не понравилось то, как наш Маэстро лапал тебя за талию на дорожке.

— Он корректировал мою стойку! — огрызнулась Алекса, пытаясь удержать дистанцию, но руки предательски дрожали от усталости.

— На дорожке тебя имею право касаться только я, *L'Épingle*, — его голос упал до опасного, вибрирующего рыка.

Доминик сделал резкий, молниеносный выпад рукой. Он перехватил пальцами гибкое лезвие её рапиры, уводя его в сторону, и в один шаг сократил расстояние между ними до нуля. Прежде чем она успела вскрикнуть, его тяжелое, горячее тело впечатало её в железную дверцу шкафчика. Металл за её спиной гулко зазвенел.

Оружие с грохотом упало на кафельный пол. Доминик перехватил обе её руки за запястья, вздернул их вверх и намертво прижал к стене над её головой. Его бедра жестко, безжалостно заблокировали её, лишая малейшей возможности повернуться или ударить его.

Алекса оказалась в абсолютной ловушке. От него шёл такой мощный поток животного жара и агрессивной, первобытной маскулинности, что у неё закружилась голова. Их прерывистые выдохи смешивались в душном пространстве раздевалки.

— Отпусти меня, животное... — выдохнула она, отчаянно извиваясь под его весом, но это лишь усиливало трение их тел, заставляя запретный, порочный пожар вспыхивать внизу живота.

— Больше не называй меня так при всех, — прошептал Доминик, наклоняясь так низко, что его губы почти касались её губ. — Твое «*Monseigneur*» звучит слишком... вызывающе. Словно ты умоляешь меня взять тебя прямо здесь, на этих чертовых скамейках.

— Мечтай, золотой мальчик, — Алекса из последних сил попыталась дернуть головой, но Доминик перехватил её подбородок свободной рукой. Его пальцы грубо, но с сумасшедшей, удушающей нежностью впились в её щеки.

— Ты моя, Шпилька. Ты заноза в моей голове. И никакой старый ублюдок в дорогом костюме не встанет между нами, — его глаза потемнели до угольной черноты.

Он не стал больше говорить. Он взял её губы в жестком, карающем поцелуе. Это не было прелюдией — это было нападение, дикое и голодное. Его язык ворвался в её рот, забирая весь оставшийся воздух, сминая её сопротивление. Алекса глухо застонала, пытаясь бороться, но её тело, истощенное тренировкой и выжженное адреналином, внезапно предало её.

Вместо того чтобы укусить его, её пальцы судорожно сжались, отвечая на его хватку. Она подалась навстречу этому агрессивному, порочному поцелую, вплетаясь своими бедрами в его литые мышцы. Ненависть между ними окончательно мутировала в чистую, неконтролируемую страсть. Накал был настолько высок, что казалось, еще секунда — и они разрушат эту раздевалку до основания.

Доминик оторвался от её губ, тяжело и хрипло дыша ей в шею. Его зубы слегка прикусили её кожу прямо над воротником колета, заставляя Алексу вскрикнуть.

— Это только предупреждение, *L'Épingle*, — прошептал он, медленно отпуская её руки. — На следующей тренировке я не буду так милостив.

Он поднял с пола её рапиру, небрежно бросил её на скамейку и, повернувшись, пошел к выходу. Замок на двери щелкнул, и Доминик исчез в темном коридоре, оставив Алексу сползать по железной дверце шкафчика на холодный пол. Её губы горели, сердце вырывалось из груди, а внутри крепло осознание: она зажата между двух клинков, и каждый из них готов пронзить её насквозь.

В пятницу вечером замок «Сан-Мишель» погрузился в плотный сизый туман, пришедший с залива. Влажный воздух проникал сквозь старинные оконные рамы, заставляя пламя свечей в коридорах испуганно дрожать.

Алекса сидела на подоконнике в пустой библиотеке, подтянув колени к груди. Книга по биомеханике движений лежала открытой, но строчки расплывались перед глазами. Всё её существо до сих пор вибрировало после дневного столкновения. На шее, бережно прикрытая

высоким воротником куртки, горела отметина, оставленная зубами Доминика, а в ушах всё еще стоял его хриплый, собственнический шепот.

Дверь библиотеки бесшумно приоткрылась. Алекса инстинктивно подобралась, готовая увидеть Гратиса с его вечной издевательской улыбкой, но в зал вошла Ив.

Она выглядела по-другому. Исчезла её привычная небрежность строптивой студентки. Волосы были аккуратно уложены, а на губах темнела помада винного оттенка. В руках она сжимала кожаную папку с отчетами. Она двигалась быстро, словно боялась, что её поймут, но в каждом движении читалась какая-то пугающая, слепая окрыленность.

— Ив? — Алекса спустила ноги с подоконника. — Ты где была? Мы должны были пойти в столовую час назад.

— У Маэстро, — Ив произнесла это имя с придыханием, и её глаза на секунду лихорадочно блеснули. Она прижала папку к груди, как самое дорогое сокровище. — Я помогала ему систематизировать видеозаписи французской сборной. Лекс, он... он потрясающий. Он так тонко чувствует каждого бойца. Он сказал, что у меня редкий аналитический ум.

— Ив, остановись, — Алекса сделала шаг к ней, хватая подругу за холодные плечи. — Посмотри на себя. Ты светишься, как жертвенный ягнёнок перед алтарем. Виктор — хищник. Ты для него просто удобный инструмент, бесплатная рабочая сила, которой он пользуется между своими делами. Ты видела, как он смотрит на людей? Там нет ничего, кроме расчета.

Ив резко оттолкнула её руки. На её лице проступила непривычная, злая обида.

— Ты просто ревнуешь, Алекса! — ядовито выплюнула подруга, и этот тон ударил Алексу сильнее любого клинка. — Потому что на дорожке он выделил тебя, а не меня? Потому что он коснулся твоей талии? Ты думаешь, что если ты лучшая рапиристка курса, то все мужчины в этой академии должны ползать у твоих ног? Доминик проходу тебе не дает, теперь ты и на Маэстро заглядываешься? Оставь его мне. Пожалуйста.

Алекса застыла, пораженная этой несправедливой, слепой агрессией. Она хотела закричать, доказать, что Виктор опасен, но поняла: Ив уже глубоко в его паутине. Она добровольно пьет этот сладкий яд, и любые предупреждения сделают Алексу врагом номер один.

— Я просто не хочу, чтобы тебя сломали, — тихо ответила Алекса, отступая на шаг.

— Меня никто не ломает, — отрезала Ив, выпрямляя спину, но её подбородок едва заметно дрожал. — Я иду к нему в кабинет. Ему нужно занести эти документы.

Она повернулась и быстро покинула библиотеку, оставив после себя тяжелый аромат своих новых, слишком взрослых духов.

Алекса осталась одна в звенящей тишине. Чувство надвигающейся катастрофы стало удушьящим. Она не могла бросить Ив, но и пойти за ней означало сорвать маски окончательно.

Проведя рукой по лицу, она решила вернуться в общежитие, но на выходе из жилого крыла её перехватил Марк — один из парней «Золотой Касты». Он стоял, прислонившись к готической арке, и лениво подбрасывал в воздух яблоко.

— Эй, Шпилька, — окликнул он её, преграждая путь. — Твой боевой задор сегодня оценили все. Но Доминик просил передать, что ждет тебя в одиннадцать на старой смотровой башне. И если ты не придешь, он пообещал рассказать Маэстро Виктору, кто именно украл ключи от тренировочного зала в прошлый четверг.

Марк подмигнул ей, откусил яблоко и пошел дальше по коридору, оставив Алексу один на один с бушующим внутри штормом.

Доминик затягивал петлю на её шее всё сильнее, используя каждую её уязвимость. Виктор наблюдал за ней из темноты своего кабинета, ломая её технику и волю. А Ив медленно шла на дно ради мужчины, который не знал пощады. Накал страстей в «Сан-Мишель» приближался к той точке, после которой контур защиты должен был взорваться.

Глава 3: Ночные уколы

Смотровая башня «Сан-Мишель» утопала в густом прибрежном тумане, который ключьями цеплялся за серые каменные зубцы. Ветер с залива здесь, на высоте, казался ледяным, заставляя влажную после вечерней тренировки одежду липнуть к телу.

Алекса поднялась по винтовой лестнице, тяжело дыша. Каждая ступень отзывалась гулом в натруженных мышцах ног, но ярость, горевшая внутри, служила лучшим топливом. В одиннадцатый час тусклый свет луны едва пробивался сквозь облака, очерчивая на старой каменной площадке силуэт мужчины.

Доминик сидел на парапете, свесив одну ногу в бездну. Он небрежно крутил в руке рапиру, и ее тонкое лезвие со свистом рассекало туманный воздух. Возле его ног на каменных плитах лежали две маски и защитный жилет.

— Пришла, — не оборачиваясь, хрипло произнес он. Его голос легко перекрыл шум ветра. — А я уже думал, что мне придется идти к Маэстро с докладом.

— Ты ничтожество, Гратис, — Алекса шагнула на площадку, сжимая кулаки. — Шантаж? Серьезно? Это всё, на что способен капитан сборной, когда его это уязвлено на глазах у тренера?

Доминик лениво повернул голову. В полумраке его глаза казались абсолютно черными, лишенными малейшего намека на жалость. Он поднялся на ноги, и его мощная фигура мгновенно перекрыла ей путь назад, к лестнице. В его движениях не было дневной вальяжности — только концентрированная, хищная готовность.

— Мое эго в полном порядке, *L'Épingle*, — он сделал шаг к ней, опуская рапиру кончиком вниз. Металл со скрежетом прошелся по граниту. — А вот твоя спесь начинает утомлять. Ты думаешь, если Виктор потрогал тебя за талию, ты стала неприкасаемой? В этой академии всё, от этих камней до твоего будущего диплома, зависит от моей семьи. И ты будешь играть по моим правилам.

— Никогда, — выплюнула Алекса, вскидывая подбородок.

— Посмотрим, — на его губах заиграла опасная, сытая улыбка. Он носком обуви подтолкнул к ней вторую рапиру, лежавшую на полу. — Правила просты. Приватный поединок. Пять уколов. Без судей, без защитных датчиков — только мы и чистая сталь. Если побеждаешь ты, я забываю про ключи и больше не трогаю тебя на тренировках. Если побеждаю я... ты выполняешь любое мое желание. Прямо здесь.

Алекса посмотрела на оружие у своих ног. Сердце бешено заколотило в грудную клетку, разгоняя по венам чистый адреналин. Это было безумие. Драться на скользких от сырости каменных плитах, на высоте тридцати метров, без полной экипировки — безумие в чистом виде. Но страх в ней всегда уступал место гордости.

— Согласно, *Monseigneur*, — процедила она, резко поднимая рапиру с пола. — Но не надейся, что я буду поддаваться, чтобы пощадить твое самолюбие.

Они одновременно опустили маски. Пространство сузилось. Ветер стих, уступая место их прерывистому дыханию.

— *En garde!*

Свист стали разорвал ночную тишину. Доминик пошел в атаку без раскачки. Его выпады были тяжелыми, сокрушительными, каждый удар гарды о гарду отзывался сухой болью в запястье Алексы. Он не просто фехтовал — он вымещал на ней всю свою ярость, всю ревность, скопившуюся после того, как Маэстро Виктор посмел коснуться её тела.

Алекса маневрировала на грани фола. Её обувь скользила по влажному камню, спина едва не задевала ледяной парапет, за которым зияла темнота. Она уклонялась, переводила его клинок, искала брешь в его безупречной защите. *Вжик. Хлест.*

Один-один. Два-два.

Накал страстей достиг пика, когда счет сравнялся до четырех. Они оба тяжело дышали, колот Алексы взмок от пота, а под маской Доминика блестели яростные глаза.

Алекса сделала обманное движение, пытаясь поймать его на противоход, но её нога предательски поехала на мокром мху, выросшем между плитами. Она на секунду потеряла равновесие. Этой секунды Доминику хватило.

Его рапира молниеносно обошла её защиту, и жесткий, сухой наконечник клинка с силой уперся ей прямо в ложбинку между ключицами, чуть выше ворота куртки. Сила удара была такой, что Алексу впечатало спиной в массивный каменный столб башни. Оружие выпало из её ослабевших пальцев.

— Пять, — хрипло выдохнул Доминик.

Он не отстранился. Напротив, он бросил свою рапиру в сторону и одним движением сорвал маску сначала с нее, а затем с себя. Его лицо было совсем близко — хищное, порочное, с раздувающимися ноздрями и потемневшим от вожделения взглядом.

Алекса тяжело дышала, ее грудь высоко поднималась, соприкасаясь с его рельефной грудной клеткой. Ненависть к нему смешивалась с удушающим, диким притяжением, от которого подкашивались колени.

— Ты проиграла, Шпилька, — его голос упал до опасного шепота, вибрирующего у её губ. — И сейчас я заберу свой выигрыш.

Его большая ладонь в жесткой перчатке взлетела вверх, пальцы грубо, но контролируемо перехватили ее запястья, фиксируя их над головой, прижимая к холодному камню. Свободной рукой он бесцеремонно дернул вниз молнию её куртки, обнажая шею и ключицы. Ледяной ночной воздух обжег её кожу, но тут же сменился обжигающим, порочным жаром его прикосновений.

Доминик наклонился и впился в её шею зубами — жестко, на грани боли, прямо туда, где пульсировала вена. Алекса глухо застонала, выгибаясь в его руках. Это не было спортом или соперничеством — это была капитуляция её разума перед его дикой маскулинностью.

— Ты моя, *L'Épingle*, — прошептал он, сминая её губы в голодном поцелуе, выжигающем все её предохранители. — И никакой Маэстро этого не изменит.

Доминик отпустил её запястья не сразу. Он медленно разжал пальцы, позволяя её рукам бессильно соскользнуть по шероховатому граниту столба, но его тяжелое тело по-прежнему блокировало любой путь к отступлению. В темноте башни слышалось лишь их рваное, хриплое дыхание и свист балтийского ветра.

Алекса стояла, прижавшись затылком к ледяному камню, её губы горели от его жесткого, карающего поцелуя, а на шее, прямо над ключицей, пульсировала острая, почти сладкая боль от укуса. Внутренний контур её ментальной защиты, который она так тщательно выстраивала на дневных тренировках, сейчас лежал в руинах, погребенный под этой первобытной, порочной капитуляцией разума.

— На сегодня... с тебя хватит, Шпилька, — хрипло выдохнул Доминик, отступая на полшага. Он поднял с пола свою маску и рапиру, бросив на Алексу последний препарирующий, темный взгляд. — Завтра в девять на дорожке. И не дай бог тебе опоздать.

Когда его шаги затихли на винтовой лестнице, Алекса медленно опустилась на колени. Пальцы, все еще пахнувшие тальком и сталью, дрожали, когда она нащупала в темноте свою рапиру. Ей потребовалось несколько минут, чтобы просто застегнуть влажную молнию куртки, скрывая от ночного холода — и от чужих глаз — пылающий след на шее.

Входная дверь жилого блока кураторского сектора закрылась за ней с сухим, глухим щелчком.

В коридорах «Сан-Мишель» уже действовал комендантский час. Единственный софит в конце галереи выхватывал из полумрака строгую геометрию арочных сводов. Алекса шла бесшумно, стараясь не дышать, но стоило ей поравняться с массивной дубовой дверью кабинета тактического анализа, как изнутри донесся ровный, хирургически точный стук.

Тук. Тук. Тук.

Это был звук матовой трости, мерно ударяющей по паркету.

Дверь кабинета оказалась приоткрыта. Из узкой щели лился ровный, холодный свет. Алекса замерла, и в этот же миг её сердце совершило болезненный кульбит — удушающее ментальное давление, которое она узнала бы из тысячи, тяжелой волной заполнило пространство коридора.

— Вы вернулись поздно, Алекса, — бархатный, леденящий баритон Маэстро Виктора разрезал тишину, заставив её контур безопасности окончательно затрещать по швам. — И, судя по сбивчивому таймингу вашего шага, приватный поединок на смотровой башне прошел не по вашей системе. Зайдите.

Алекса замерла на пороге, судорожно поправляя высокий ворот куртки. Скрытое соперничество мужчин, лед системы Виктора и пламя, которое только что оставил на её коже Доминик, сгустились вокруг неё в единую, смертельно опасную ловушку.

Глава 4: Уроки Маэстро

Следы ночной дуэли на башне горели на коже Алексы скрытым позором. Весь следующий день она избегала Доминика, но его ленивые, сытые взгляды через весь тренировочный зал душили сильнее удавки. «Золотой мальчик» забрал свою победу, но Алекса знала: это лишь распалило его аппетит.

Однако настоящая опасность ждала ее в конце недели.

Когда субботняя общая тренировка подошла к концу, и уставшие студенты потянулись к выходу, Маэстро Виктор поднял руку, останавливая Алексу у самого края дорожки.

— Алекса, задержитесь, — его глубокий, бархатный баритон прозвучал негромко, но непреклонно. — Ваша работа в защите на последних минутах была отвратительной. Мы займемся индивидуальной корректировкой.

Доминик, уже снявший маску, замер на полпути к раздевалке. Его челюсть хищно заострилась, а в глазах промелькнула опасная вспышка ярости. Он сделал шаг назад, собираясь что-то сказать, но Виктор медленно повернул к нему голову. Ледяной, сканирующий взгляд тренера встретился с бешеной упрямостью капитана.

— Свободны, Гратис, — отрезал Маэстро, и в его голосе звенящим металлом прозвучал приказ, который нельзя было нарушить без риска вылететь из академии.

Доминик сжал зубы так, что послышался сухой хруст, бросил на Алексу тяжелый, предупреждающий взгляд и резко развернулся, с грохотом захлопнув за собой дубовую дверь зала.

Они остались одни. Огромный готический зал «Сан-Мишель» казался пустым и злоеющим в лучах заходящего солнца, которое окрашивало витражные окна в багровые, кровавые тона.

— Наденьте маску, Алекса, — тихо произнес Виктор, снимая свой пиджак и оставаясь в безупречно белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. На его массивных предплечьях отчетливо проступали жесткие вены.

Алекса послушно опустила черную сетку на лицо. Сердце глухо застучало в груди — не от усталости, а от гипнотического, пугающего авторитета этого мужчины. Он подошел к ней почти вплотную. От него веяло дорогим табаком, кожей и ледяным спокойствием хищника, который полностью контролирует свою территорию.

— *En garde*, — скомандовал он, даже не беря в руки рапиру.

Алекса встала в стойку, подняв оружие. Виктор медленно двинулся вокруг нее, его тяжелая трость с серебряным набалдашником глухо постукивала по металлическому покрытию дорожки.

— Вы слишком эмоциональны, — его голос звучал прямо над ее ухом, обволакивая со всех сторон. — Вы тащите на дорожку свои ночные секреты, свои грязные мысли. Вы думаете, я не вижу, как вы смотрите на Гратиса? И как он смотрит на вас?

Алекса внутренне вздрогнула, ее рапира на долю секунды дрогнула.

— Маэстро, между нами ничего... — попыталась оправдаться она, но Виктор резко прервал ее.

— Молчать, — его ладонь в тонкой черной коже безжалостно легла на ее поясницу, с силой прогибая ее позвоночник вперед. Вторая рука мужчины жестко перехватила ее правое запястье, выворачивая кисть с рапирой под правильным, хирургически точным углом.

Это прикосновение было лишено животной горячности Доминика — оно было расчетливым, властным и глубоко доминантным. Виктор ломал ее сопротивление, подчиняя ее тело своей идеальной механике. Его пальцы на ее талии сжались так крепко, что Алекса тихо охнула сквозь ткань колета.

— Вы принадлежите этой дорожке, Алекса. А на этой дорожке бог — я, — прошептал Виктор, наклонившись так низко, что его дыхание опалило ее шею сквозь сетку маски. — Ваше тело должно выполнять мои приказы прежде, чем ваш строптивый мозг успеет их обдумать. Повторите выпад.

Он отпустил ее так же внезапно, как и прижал, заставив Алексу покачнуться от нахлынувшей слабости. В этот момент краем глаза сквозь прорези маски она заметила силуэт у стеклянной двери зала.

Там стояла Ив.

Подруга прижимала к груди какие-то бумаги, и ее лицо было мертвенно-бледным. Она видела все: и эти интимные, жесткие прикосновения Маэстро к Алексе, и то, с какой запредельной покорностью Алекса принимала его волю. В глазах Ив застыла такая концентрированная, больная обида, что Алекса поняла: их дружбе пришел конец. Виктор разрушил ее, даже не повернув головы в сторону несчастной девчонки.

— На сегодня достаточно, — сухо произнес Виктор, возвращаясь к своему пиджаку. — Вы свободны, Алекса. Поработайте над послушанием.

Алекса сдернула маску, тяжело дыша. Ее губы дрожали, а контур прежнего мира рассыпался на части.

Алекса не пошла в общую раздевалку — сейчас столкнуться там с Ив или, хуже того, нарваться на караулящего в коридоре Доминика было равносильно самоубийству. Спрятав папиру в чехол, она почти сбегала через боковой пожарный выход, ведущий в глухую часть внутреннего двора «Сан-Мишель».

На улице уже сгущались сумерки. Багровый закат, который еще недавно окрашивал витражи зала в цвет свежей крови, стремительно остывал, уступая место тяжелому, сизому туману, выползающему со стороны залива.

Алекса прислонилась спиной к влажной каменной кладке стены и закрыла глаза. Ее трясло. Тело до сих пор помнило два полярных, разрушительных прикосновения. Шею все еще покалывало от яростного, собственнического укуса Доминика на смотровой башне. Но поясница и запястье горели совершенно иначе — там остался ледяной, хирургически точный отпечаток пальцев Виктора. Маэстро не просто скорректировал ее стойку. Он залез ей под кожу, показав, что видит насквозь каждую ее грязную тайну. А мертвенно-бледное лицо Ив, застывшее у стеклянных дверей, окончательно затягивало этот узел на ее шее.

— Далеко собралась, L'Épingle? — раздался из темноты арки знакомый, опасно низкий голос.

Алекса резко распахнула глаза. Из тумана, лениво отталкиваясь от кованой ограды, к ней шагнул Доминик. Он так и не ушел. Он ждал ее здесь, в глухом дворе, и его капитанский мундир был расстегнут на верхние пуговицы, словно ему не хватало воздуха от кипевшей внутри злости.

— Уйди с дороги, Гратис, — процедила Алекса, инстинктивно перехватывая ремень чехла с папирой как оружие. — Мне хватило нравочений в зале.

— Я видел, как он тебя держал, — Доминик проигнорировал ее слова, мгновенно сокращая расстояние между ними до критического. Он впечатал ладонь в стену прямо над ее ухом, нависая над ней всей своей тяжелой, атакующей массой. Его глаза в полумраке двора бешено блестели. — Наш святой Маэстро ломал твою механику, да? И ты покорно гнулась под его черными перчатками. Мне показалось, или тебе даже нравился этот его... контур безопасности?

— Ты безумен, — Алекса попыталась толкнуть его в грудь, но Доминик даже не шелохнулся. Напротив, его вторая рука перехватила ее ладонь, жестко прижимая к камню стены — точь-в-точь как ночью на башне, но теперь в его движениях была не просто похоть, а удушающая, порочная ревность.

— Послушай меня сюда, Шпилька, — он наклонился к самому ее уху, и его горячее дыхание обожгло кожу, заставляя след от его вчерашнего укуса снова болезненно запульсировать. — Пусть Виктор строит свои министерские графики и мнит себя богом. Но если я еще раз увижу, как ты позволяешь ему переписывать твой рисунок боя... я сорву следующую тренировку прямо на глазах у высшей коллегии. Ты проиграла мне дуэль. Твои желания принадлежат мне. И делиться с Маэстро я не намерен.

Он резко отпустил ее, оставив на запястье новые невидимые отметины, и растворился в глухом тумане двора так же стремительно, как и появился.

Алекса осталась одна в темноте, судорожно вдыхая ледяной влажный воздух. Она понимала, что балансирует на натянутом тросе между ледяной системой Виктора и разрушительным пламенем Доминика.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.